

SİYASİ ELMLƏR: NƏZƏRİYYƏ VƏ REALLIQLAR

УДК 2-67:316.6(575.3)

[https://doi.org/10.30546/ifs.2025.2\(45\).0125](https://doi.org/10.30546/ifs.2025.2(45).0125)

РАДИКАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ БЕЗ ГРАНИЦ: ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ОНЛАЙН-ПРОПАГАНДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ТАДЖИКСКАЯ СПЕЦИФИКА

Рустам Азизи

кандидат философских наук, докторант Института философии, политологии и права
НАНТ, Директор по исследованиям ОО «Тахлил», Таджикистан, Душанбе

rustamazizi1986@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-8178-5902>

Резюме. В статье анализируются структура и распространение радикальных онлайн-нарративов в Центральной Азии, с акцентом на случай Таджикистана. Рассматриваются идеологические мотивы, используемые экстремистскими акторами в региональном цифровом пространстве, а также коммуникационные платформы, через которые эти нарративы циркулируют. Основываясь на эмпирических данных за период 2015–2025 гг., исследование выявляет общие дискурсивные паттерны: призывы к религиозной «чистоте», отрицание светской власти, риторику жертвенности и конспирологическое мышление – с акцентом на политический контекст Таджикистана и других стран региона. Критически осмысливается роль социальных сетей (Facebook, Одноклассники, ВКонтакте, Instagram, YouTube) и зашифрованных мессенджеров (Telegram, WhatsApp) в процессах радикализации и формировании гибридной медиаэкосистемы. Анализируется специфика таджикского социополитического контекста и проводится сопоставление с соседними государствами. В заключение оценивается эффективность действующих практик противодействия экстремизму, подчёркивается необходимость комплексного подхода, объединяющего меры безопасности, медиаграмотность и продвижение авторитетных контрнарративов.

Ключевые слова: радикальные нарративы, онлайн-экстремизм, Центральная Азия, Таджикистан, медиаэкосистема, светское управление, теории заговора, радикализация, контрнарративы, медиаграмотность

SƏRHƏDSİZ RADİKAL NARRATİVLƏR: MƏRKƏZİ ASİYADA EKSTREMİST ONLAYN-TƏBLİĞAT VƏ TACİKİSTAN XÜSUSİYYƏTİ

Rüstəm Əzizi

Xülasə. Məqalədə Mərkəzi Asiyada, xüsusilə Tacikistan nümunəsində radikal onlayn narrativlərin strukturu və yayılması təhlil olunur. Regionun rəqəmsal məkanında ekstremist aktorlar tərəfindən istifadə olunan ideoloji motivlər və bu narrativlərin dövriyyəyə buraxıldığı kommunikasiya platformaları araşdırılır. 2015–2025-ci illəri əhatə edən empirik məlumatlara əsasən, araşdırmada ümumi diskursiv nümunələr – dini “safliq” çağırışları, dünyəvi hakimiyyətin inkarı, qurbanlıq ritorikası və konspirativ düşüncə tərzii – müəyyən edilir və bu nümunələrin Tacikistanda və regionun digər ölkələrindəki yerli xüsusiyyətlərinə diqqət yetirilir.

Sosial şəbəkələrin (Facebook, Odnoklassniki, VKontakte, Instagram, YouTube) və şifrələnmiş messengerlərin (Telegram, WhatsApp) radikallaşma proseslərində və hibrid mediaekosistemin formalaşmasındakı rolu tənqidi şəkildə dəyərləndirilir. Eyni zamanda Tacikistanın sosial-siyasi kontekstinin özəllikləri təhlil olunur və onun radikal onlayn mənzərəsi qonşu dövlətlərlə müqayisə edilir.

Nəticə olaraq, mövcud ekstremizmlə mübarizə təcrübələrinin effektivliyi qiymətləndirilir, təhlükəsizlik tədbirləri, mediaya savadlılıq, ictimaiyyətin iştirakı və nüfuzlu əks-narrativlərin təşviqini birləşdirən kompleks yanaşmanın vacibliyi vurğulanır.

Açar sözlər: radikal narrativlər, onlayn ekstremizm, Mərkəzi Asiya, Tacikistan, mediaekosistem, dünyəvi idarəetmə, konspirasiya nəzəriyyələri, radikallaşma, əks-narrativlər, mediada savadlılıq

RADICAL NARRATIVES WITHOUT BORDERS: EXTREMIST ONLINE PROPAGANDA IN CENTRAL ASIA AND TAJIK SPECIFICS

Rustam Azizi

Abstract. This article analyzes the structure and transmission of radical online narratives in Central Asia with an emphasis on the case of Tajikistan. It explores ideological motifs employed by extremist actors in the regional digital space and the communication platforms through which such narratives circulate. Drawing on a decade of empirical research (2015–2025), the study identifies common discursive patterns—calls for religious “purity,” rejection of secular governance, victimization rhetoric, and conspiratorial thinking—while also tracing localized features in Tajikistan and other countries of the region. The role of social networks (Facebook, Odnoklassniki, VKontakte, Instagram, YouTube) and encrypted messengers (Telegram, WhatsApp) has been critically examined in the context of radicalization dynamics and the hybrid media ecosystem. The article also contextualizes Tajikistan’s unique socio-political setting and compares its digital extremist landscape to those of neighboring states. The concluding section assesses existing counter-extremism practices, stressing the need for multidimensional strategies that integrate security enforcement with media literacy, public engagement, and the promotion of credible counter-narratives.

Keywords: radical narratives, online extremism, Central Asia, Tajikistan, media ecosystem, secular governance, conspiracy theories, radicalization, counter-narratives, media literacy

Введение

В последние годы экстремистские группировки активнее используют интернет и социальные сети как инструменты радикальной пропаганды в Центральной Азии. Региональные особенности – от исторического контекста и языковой среды до уровня цифрового доступа – напрямую влияют на характер и формы этих нарративов. Несмотря на локальные различия, повестка радикальных идеологов по всему региону остаётся во многом унифицированной: апелляция к религиозной идентичности, эксплуатация социальных травм, нетерпимость к другим и призывы к насилию.

Это явление несёт серьёзные риски для общественной безопасности, особенно если учитывать, что под влиянием подобных нарративов тысячи жителей региона присоединились к террористическим организациям на Ближнем Востоке. Интернет-пропаганда радикалов сыграла ключевую роль в этом процессе, значительно усилив поток иностранных боевиков. После краха «халифата» проблема вернувшихся сторонников ИГ трансформировалась в новую угрозу: радикализованные индивиды стали представлять опасность уже в пределах собственных стран. Показательным стал случай в июле 2018 года, когда в Таджикистане произошёл первый теракт, к которому публично признала свою причастность ИГ. Тогда местная террористическая ячейка атаковала иностранных туристов – акт, вдохновлённый интернет-нарративами экстремистов [3]. Подобные акты актуализируют изучение деструктивного потенциала радикальной пропаганды в информационном пространстве, которая способна мобилизовать отдельных лиц к насилию даже вне зон конфликта, нарушая границы и подрывая основы безопасности.

Данная статья посвящена анализу радикальной онлайн-пропаганды в странах Центральной Азии, с акцентом на ее нарративную структуру и каналы распространения. Особое внимание уделяется таджикистанскому сегменту интернета, с его уникальными характеристиками и локальными контекстами. Актуальность темы определяется нарастанием угроз информационного характера, исходящих от экстремистских структур, использующих цифровые медиа для продвижения своего контента. Нами рассматриваются ключевые понятия – такие как

«нарратив» и «экстремистская пропаганда», – а также методология исследования, включая критический дискурс-анализ и элементы сетевого анализа. Эмпирической базой послужили исследования с участием автора [2] [5], а также включённое наблюдение и анализ контента в таджикском онлайн-пространстве, что позволяет опираться не только на теоретическую, но и на практическую основу.

Нарративы радикальной пропаганды

Нарративом принято называть связное повествование, совокупность идей и образов, через которые до аудитории доносится определенная интерпретация событий и убеждений. В контексте экстремистской пропаганды нарративы представляют собой упрощенные, эмоционально насыщенные истории, призванные объяснить целевой аудитории ее место в мире и подтолкнуть к определенным выводам и действиям. Как отмечается в материалах ОБСЕ, под нарративами насильственного экстремизма понимаются истории и тезисы террористических групп, используемые для привлечения и вербовки сторонников [4]. Эти нарративы апеллируют к идентичности, ценностям и эмоциям людей, формируя у них ощущение причастности к некоей глобальной борьбе. Они апеллируют к идентичности и эмоциям, деля мир на «своих» и «чужих», внушая чувство жертвы и предлагая роль защитника веры и общины.

Для анализа радикальных нарративов исследователи применяют междисциплинарный подход, сочетая элементы дискурс-анализа, семиотики, психологии и теории коммуникаций. Одним из важных методологических ориентиров является разграничение метанарративов (глобальных идеологических мифов) и локальных сюжетов. Например, в пропаганде джихадистов метанарративом служит идея всемирной войны ислама против «крестоносцев» и восстановления справедливого халифата, а локальные нарративы адаптируются под реалии конкретного региона или аудитории [5, 5]. В пространстве Центральной Азии, радикальные группы заимствуют риторику глобального джихадистского дискурса («всемирный заговор против ислама», «борьба с тагутом» и т.п.), адаптируя её под местные реалии — критику властей, исторические образы, межэтнические темы. Их нарративы эмоциональны, визуально насыщены и оперируют простыми, запоминающимися лозунгами, создавая искажённую картину мира с ясно обозначенным врагом и единственно допустимым — радикальным — решением.

Онлайн-среда накладывает свои особенности на методологию исследования. Важную роль играют методы контент-анализа социальных сетей, сбор больших данных (постов, комментариев) и их автоматическая обработка для выявления ключевых тем и тональности. Например, в межстрановом исследовании Интерньюс (2020–2021 гг.) применялся автоматизированный анализ контента экстремистских страниц в соцсетях, дополненный экспертной квалификацией нарративов [5, 10]. Также используются включенное наблюдение в закрытых группах мессенджеров, экспертные интервью и опросы целевой аудитории, позволяющие понять, какие ценности и мотивы преобладают у молодежи, попадающей под влияние радикалов. Такой комплексный подход помогает установить связь между идеологическими посланиями и откликом аудитории, а также учесть медиасреду, через которую эти послания транслируются.

Важно отметить, что радикальная пропаганда онлайн – это не хаотичный поток сообщений, а целенаправленная коммуникативная кампания. Пропагандисты тщательно сегментируют аудиторию и подбирают каналы: отдельно обращаются к молодежи, к женщинам, к соотечественникам-мигрантам, к религиозным активистам и т.д. Каждая такая подгруппа получает адаптированный нарратив, учитывающий ее ценности и болевые точки, – будь то чувство несправедливости, поиски смысла, религиозное рвение или протестные настроения. Современные экстремистские движения хорошо освоили инструменты массовых коммуникаций и поведенческого таргетинга. Они присутствуют сразу на множестве платформ, дублируя свой контент, чтобы охватить максимум пользователей. При этом взаимодействие с аудиторией носит интерактивный характер: в комментариях и чатах ведутся дискуссии, модераторы отсекают несогласных и подогревают интерес единомышленников, создавая эффект широкой поддержки своих идей [5, 10]. Радикальная онлайн-пропаганда функционирует

как элемент широкой медиаэкосистемы, где переплетены официальные СМИ, блоги, соцсети и мессенджеры. Экстремистские нарративы свободно циркулируют между открытыми и закрытыми каналами, размывая границы радикального влияния.

Анализ показывает, что послания различных экстремистских групп в онлайн-пространстве Центральной Азии имеют ряд общих идеологических мотивов. Практически все они пропагандируют:

«Чистоту» веры и возврат к «истинному Исламу» – неприятие любых реформ или местных религиозных традиций, призыв следовать «правильным» догматам и обрядам. Обычных верующих убеждают, что вокруг укоренилась искаженная, «неполноценная» религиозность, и только присоединившись к радикалам можно спасти свою веру. Например, в таджикском сегменте Facebook проповедники-салафиты зачастую критикуют местных религиозных деятелей, обвиняя их в отступлении от истинного ислама и требуя строго соблюдать «чистые» обряды без народных элементов.

Взаимопомощь и солидарность единоверцев – формирование чувств «уммы» (единого сообщества мусульман). Радикальные обращения последовательно культивируют у целевой аудитории образ угнетенного сообщества, членов которого необходимо защищать друг друга. Часто звучит тезис о том, что мусульмане – жертвы притеснений, которым никто не поможет, кроме них самих. Одновременно внушается идея о высокой миссии – защищая единоверцев, сторонник экстремистов становится героем-мучеником в глазах Аллаха. В Таджикистане этот мотив проявился, например, в призывах радикальных агитаторов «защитить своих соотечественников за рубежом» – под предлогом того, что таджикские мусульмане в других странах (в том числе трудовые мигранты в России) якобы подвергаются издевательствам неверных. Подобные заявления направлены на разжигание у аудитории чувства гнева и сострадания, побуждая ее к радикальным действиям «в отместку за братьев».

Борьбу с «неверными» и «отступниками» – прямая агитация против тех, кого экстремисты объявляют врагами ислама. Враги изображаются разнопланово: это и светские власти мусульманских стран (которых клеймят «тагутами» – узурпаторами божественной власти), и представители иных религий (особенно иудеи и христиане, в духе антисемитских теорий заговора), и даже «неправильные» мусульмане (например, приверженцы шиитского ислама или суфизма, обвиняемые в ереси). В Казахстане, по данным мониторинга, одними из самых популярных являются призывы сторониться «неверных» и демонизировать символы чужой религиозной и светской жизни. К примеру, экстремисты в казахском сегменте сети предупреждали своих читателей не праздновать «праздники врагов Аллаха», называя грехом даже поздравление неверных с их праздниками [5, 26]. В Таджикистане мишенью радикалов часто становились последователи шиитского ислама: отмечено появление в 2015 году всплеска агрессивных постов салафитов с призывами к расправе над шиитами, что спровоцировало острые конфликты в комментариях. Такой такфиристский нарратив (обвинение других мусульман в неверии) раскалывает умму и служит оправданием насилия против «отступников».

Отвержение светской государственной власти – практически все радикальные группы ставят под сомнение легитимность существующих государственных институтов, заявляя, что власть принадлежит «неверным режимам». В пропаганде звучат призывы не подчиняться человеческим законам и бойкотировать демократические процедуры. Например, в Кыргызстане экстремистские аккаунты агитировали игнорировать выборы и выступать против институтов гражданского общества, утверждая, что они навязаны Западом [5, 10]. В Таджикистане выявлены случаи, когда в соцсетях депутатов парламента оскорбительно называли «стадом баранов, возомнивших себя законодателями» и призывали правоверных мусульман восстать против «безбожной» светской власти. Очевидная цель таких нарративов – подорвать доверие населения к государству, представить законы противоречащими исламу, чтобы обосновать необходимость их свержения.

Стремление к созданию «исламского государства» (халифата) – один из центральных лозунгов современного экстремизма. Он предполагает объединение всех мусульман под властью строгого шариата и восстановление некой «золотой эпохи» ислама. В Средней Азии идея халифата продвигалась, в частности, организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами»

(запрещена во всех странах региона) и позднее пропагандистами ИГ. В онлайн-агитации это выражалось в романтизации жизни по законам шариата, как альтернативы «бездуховному» светскому обществу. Например, члены «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» на таджикских форумах открыто распространяли свои воззвания о воссоздании халифата, отвергая национальные государственные символы и границы [7]. Этот нарратив утопичен – рисуется образ идеального справедливого общества, который контрастирует с реальными проблемами (коррупция, бедность) и потому привлекателен для части молодежи. В период расцвета «Исламского государства» в Сирии (2014–2015гг.) агитаторы ИГ умело эксплуатировали эту утопию: распространяли в таджикском сегменте сети материалы о «праведной жизни» в ИГ, призывали совершить хиджру (переселение) в земли халифата [5, 40]. В Узбекистане радикальные меседжи нередко прямо побуждали к эмиграции на религиозной почве – уехать из «неисламской» среды в места, где устанавливаются законы шариата [5, 10].

Антизападничество и теория заговора – практически во всех экстремистских нарративах региона прослеживается неприятие «разлагающего влияния» Запада, либеральных ценностей, эмансипации и секуляризма. Это сопровождается конспирологическими объяснениями проблем мусульманского мира: во всем виноваты тайные заговорщики – «сионисты», США, масоны, международные организации. Подобные теории глобального заговора призваны объяснить аудитории ее бедственное положение и указать врага, против которого нужно объединиться [5, 10]. Так, в казахстанском сегменте сети экстремисты распространяли ложные утверждения о том, что вакцинация от COVID-19 – это заговор Билла Гейтса с целью уничтожить мусульман или сделать их бесплодными, что «Западные миллиардеры» специально распространили вирус [5, 26]. Такие вбросы сочетают псевдорелигиозную риторику с популярными конспирологическими мифами, чтобы усилить недоверие к официальной информации и направить гнев аудитории против обозначенных «жукловодов».

Помимо перечисленных доминирующих тем, экстремистская пропаганда адаптируется к конкретному контексту каждой страны Центральной Азии. Как показало исследование 2021 года, радикальные авторы увязывают свои сообщения с наиболее болезненными или актуальными проблемами общества: в Казахстане они разжигают межэтническую рознь, в Кыргызстане – недоверие к демократическим институтам, в Узбекистане – критику традиционного семейного уклада и поиск оправданий прошлым поражениям подпольных исламистов. В Таджикистане же одним из мотивов стало акцентирование страданий таджиков-мусульман за границей (например, трудовых мигрантов) и призывы встать на их защиту [5, 10]. Таким образом, базовые нарративы (джихад против врагов, построение халифата и пр.) наполняются локальным содержанием. Радикальные агитаторы стараются представить свою идеологию не отвлеченно, а как прямой ответ на насущные проблемы аудитории – будь то социальная несправедливость, упадок нравов или утрата национальной самобытности.

Для иллюстрации можно привести конкретный кейс из таджикского сегмента Facebook. Закрытая группа религиозно-политического толка, действовавшая в 2020–2021 гг., регулярно публиковала посты с резкой критикой любых «неисламских» религиозных практик и государственных праздников. Администраторы (большая часть которых, как выяснилось, находилась за пределами Таджикистана, в Европе) распространяли контент против светских основ республики и «чуждых исламу» традиций. В частности, в канун традиционного праздника Навруз (широко отмечаемого в Таджикистане) в группе появились посты, называющие Навруз «неисламским» и призывающие верующих игнорировать его. Анализ содержания этих сообщений показал, что радикалы атаковали не только Навруз: под раздачу попали и Международный женский день 8 Марта (клеялся как «праздник кафиrow»), и другие светские даты, которые, по их утверждению «развращают молодежь». Один из постов группы гласил: *«Если мужчина женится на четырех женщинах – это называют ущемлением, а если он вступает во внебрачную связь – это называют свободой. Ходить на дискотеки – это “свобода”»*, явно высмеивая современные ценности. Таким образом радикалы старались убедить читателей, что светские праздники и либеральные нормы – это навязанное «неверными» зло. Данный кейс наглядно демонстрирует как через нарративы ненависти к

«чуждым» обычаям, они пытаются перековать самоидентификацию молодежи, форматируя ее под свою идеологию.

Каналы распространения и медиаэкосистема

Распространение радикальных нарративов онлайн неразрывно связано с используемыми каналами коммуникации. В Центральной Азии за последние 15 лет произошел бурный рост числа интернет-пользователей и пользователей социальных сетей, что открыло экстремистским идеологам широкие возможности для дистанционного воздействия на аудиторию. Рассмотрим основные платформы и медиаканалы, задействованные в радикальной пропаганде, и их эволюцию.

Социальные сети общего пользования. В первые годы массового подключения населения к интернету (2007–2012 гг.) ключевыми площадками в регионе были российские соцсети Одноклассники (Ok.ru) и ВКонтакте, а затем Facebook. В Таджикистане, например, Одноклассники стали первым популярным соцмедиа-сервисом; позже, на фоне политических событий и освещения «Арабской весны», активно вошел в обиход Facebook. К 2010–2011 гг. в таджикском сегменте ФВ сформировалось сообщество образованной молодежи и диаспоры, обсуждавшей общественно-политические темы. Радикальные проповедники не преминули воспользоваться новой аудиторией. Уже в те годы на Facebook действовали публичные страницы и группы, модерлируемые сторонниками запрещенных исламистских организаций, где открыто публиковались агитационные материалы. Новички в интернете и не умеющие критически оценивать информацию, часто принимали экстремистские посты за чистую монету. Отчасти облегчало задачу радикалам отсутствие в тот период контрпропаганды со стороны официального духовенства: богословы и религиоведы Центральной Азии осознали опасность соцсетей не сразу и поначалу мало присутствовали в онлайн-пространстве. В результате такие платформы, как Facebook и Одноклассники, стали настоящим плацдармом для экстремистской агитации примерно с 2010-х годов [7].

По мере изменения ландшафта социальных медиа, менялось и распределение аудитории между платформами. Согласно межстрановому исследованию 2021 г., наиболее популярные соцсети среди молодежи разнятся: в Казахстане и Киргизстане лидирует Instagram (им регулярно пользуются 83% и 38% молодых респондентов), в Таджикистане эта доля была лишь 18% (молодежь там до недавнего времени больше сидела в Facebook и на сайте Одноклассников). В Узбекистане вообще преобладает Telegram, как платформа для получения информации (95% опрошенной молодежи используют Telegram-каналы) [5, 11]. Эти различия обусловлены страновыми реалиями. В Узбекистане после либерализации интернета – Telegram стал ключевой площадкой, благодаря удобству и отсутствию жесткой цензуры. В Казахстане и Кыргызстане население массово увлечено визуальным контентом Instagram, где русскоязычный Facebook также сохраняет влияние. В Таджикистане же вплоть до конца 2010-х годов сильны позиции российских соцсетей: по состоянию на 2020 г. ~56% таджикских пользователей соцсетей выбирали Facebook и ~37% Одноклассники. Однако тенденции быстро меняются – уже в 2021 г. исследователи зафиксировали резкий рост экстремистского контента в таджикском сегменте Instagram. Молодежная аудитория мигрировала в Instagram, и пропагандисты последовали за ней.

Мессенджеры и закрытые группы. С середины 2010-х распространение радикальной идеологии активно смещается в более закрытые каналы – групповые чаты и каналы мессенджеров (Telegram, WhatsApp, IMO и др.). Это связано с ужесточением модерации в открытых соцсетях и желанием экстремистов уйти от контроля спецслужб. Telegram, ставший популярным по всему миру, предлагает удобный формат анонимных каналов и групп. В Центральной Азии его аудитория стремительно выросла: по оценкам, к 2021 г. до 82% молодежи Узбекистана пользовались Telegram ежедневно [5, 55]. В Таджикистане Telegram тоже набирает популярность, однако специфичной чертой является использование приложения IMO – простого мессенджера для видеозвонков, крайне популярного среди трудовых мигрантов. Многие таджикские пользователи, особенно находящиеся в России мигранты, объединяются в группы в IMO, где также может вестись агитация. Закрытость мессенджеров создает проблему для исследователей: чтобы мониторить экстремистский контент, нужно знать конкретные

группы и получить в них приглашение. Тем не менее, имеются свидетельства, что радикальные вербовщики широко используют эти каналы. Например, известны случаи вербовки через прямые переписки в WhatsApp или Telegram, когда новичку последовательно высылают материалы, обрабатывают его вопросы и склоняют к поездке в зону «джихада».

Интересно отметить, что на фоне пандемии COVID-19 2020 г., когда миллионы людей перешли на удаленное общение, активность радикалов в мессенджерах возросла. Telegram официально объявил о резком росте аудитории до 700 млн пользователей, и экстремистские группы воспользовались этим притоком. Учитывая политику конфиденциальности Telegram (сквозное шифрование, отказ выдавать данные), данная платформа стала едва ли не главным убежищем для распространителей запрещенного контента. Эксперты предполагают, что и в ближайшем будущем экстремисты будут делать ставку на Telegram и аналоги как на среду для конспиративной агитации.

Видеохостинги и стриминговые сервисы. YouTube играет двоякую роль. С одной стороны, это открытая площадка, где радикальные видео достаточно быстро блокируются модерацией по жалобам. С другой – именно через YouTube экстремистские группы получают возможность широкого охвата аудитории за счет привлекательного видеοформата. В последние годы в таджикском сегменте YouTube появились популярные блогеры, которые, находясь за рубежом, ведут политически окрашенные религиозные каналы. Часть из них продвигает оппозиционно-исламистские взгляды, фактически выступая ретрансляторами умеренно-радикальной повестки. В Казахстане и Кыргызстане видео-контент экстремистского характера также выявляется – начиная от роликов, героизирующих выезд на «джихад» в Сирию, до конспирологических лекций, маскирующихся под религиозные проповеди [5, 26]. Важной тенденцией стало создание мультимедийных нарративов: аудио-проповеди и нашиды (религиозные песни) дополняются слайд-шоу фотографий или титров – такой контент широко расходуется в мессенджерах, занимая мало трафика, но оказывая сильное эмоциональное влияние [5, 37]. Таким образом, YouTube и другие видеоплатформы интегрированы в экосистему: наиболее громкие ролики там часто становятся источником контента для распространения через другие каналы.

Локальные онлайн-форумы и сайты. До расцвета соцсетей значительную роль играли религиозные форумы и специальные сайты (например, исламистские сайты на разных языках). Сейчас их влияние снизилось, уступив место крупным социальным платформам. Тем не менее, радикальные группы иногда создают зеркала – резервные сайты, где выкладывают свои материалы на случай блокировки основных аккаунтов. В даркнете существуют и полностью анонимные хостинги экстремистской литературы, но доступ к ним имеют единицы мотивированных сторонников. Основная масса рекрутирования идет все же в популярных публичных сетях, куда проще заманить новых людей.

Трансграничная медиаэкосистема. В Центральной Азии важно учитывать языковой фактор. Русский язык по-прежнему служит региональным лингва-франка, поэтому российское радикальное информационное пространство влияет на все страны, хотя наблюдается последовательная тенденция к сокращению его влияния. Многие центральноазиатские пользователи подписаны на радикальных проповедников из российских республик (Дагестан, Чечня) или на группы ВКонтакте, ведущие вещание для широкого русскоязычного мусульманского круга. Исследование показало, что информационное пространство Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана во многом подпитывается идеями одних и тех же исламских проповедников, не привязанных к конкретной стране [5, 9]. В то же время, в Таджикистане и Туркменистане более влиятелен контент на национальных языках. Это объясняется тем, что таджикский и туркменский сегменты более обособлены: хотя многие таджики владеют русским, пропаганда среди малообразованных слоев часто ведется на таджикском для лучшего усвоения. Пример – таджикоязычные видеообращения, примкнувшего к ИГ бывшего полковника МВД Гулмурода Халимова, в 2015 году его ролики, в которых он на родном языке обвинял таджикское правительство в «войне против ислама» и призывал присоединиться к ИГ, получили широкий резонанс в Таджикистане [3]. Это показывает, как важен язык и происхождение

спикера, тем самым выходя из силовых структур, говорящий на таджикском, выглядел для части аудитории более убедительно, чем арабские пропагандисты.

Таким образом, медиаэкосистема радикальной пропаганды онлайн в Центральной Азии представляет собой сложное сплетение открытых и закрытых каналов, где каждый выполняет свою функцию. Публичные социальные сети (FB, VK, OK, Instagram) – это витрина и место первичного контакта, где радикалы могут охватить большую аудиторию и привлечь внимание новыми публикациями. Мессенджеры и частные группы – следующий уровень, предназначенный для углубления идеологической обработки и координации лояльных сторонников под прикрытием приватности. Видеоплатформы и внешние сайты служат хранилищем нарративов в наглядной форме, которые затем распространяются по сетям. Такая распределенная система обеспечивает экстремистским идеологам живучесть: удаление отдельной страницы мало что меняет, контент появляется вновь в другом месте. Для властей и общества это создает постоянный фон радикальной агитации, который трудно полностью заглушить, не прибегая к тотальной цензуре.

Специфика для Таджикистана

Случай Таджикистана заслуживает особого рассмотрения, поскольку сочетает в себе все общерегиональные проблемы радикальной онлайн-пропаганды и имеет ряд уникальных особенностей. Таджикистан – страна с преимущественно мусульманским населением, прошедшая через гражданскую войну на религиозно-идеологической почве (1992–1997гг.) и затем установившая светский режим с контролем над религиозной сферой. Эти факторы определили как уязвимости, так и ответные меры в информационном пространстве.

Во-первых, исторический фактор: после мирного соглашения 1997 года влиятельная исламистская партия (ПИВТ – Партия исламского возрождения Таджикистана) участвовала в политической жизни, но в 2015 г. была запрещена и объявлена экстремистской. Это подтолкнуло часть исламской оппозиции уйти в подполье или эмигрировать. В результате в интернете активизировались как радикальные исламистские группы, непосредственно связанные с международным джихадизмом, так и политическая оппозиция исламского толка в изгнании. Порой граница между ними размыта: например, некоторые страницы в Facebook, критикующие правительство с исламских позиций, формально не призывали к насилию, но транслировали очень похожие нарративы (о «неисламском режиме», о притеснении верующих и т.д.), что объективно играло на руку более радикальным силам. Таджикская власть, подавляя любую исламскую оппозиционность, тем самым во многом вытолкнула дискурс в неконтролируемое онлайн-поле, где его перехватывают экстремисты.

Во-вторых, диаспора и трудовая миграция. Около миллиона таджикстанцев регулярно выезжают на заработки (главным образом в Россию). Длительное пребывание вне дома, социальные трудности, дискриминация и поиск поддержки делают мигрантов благодатной аудиторией для радикальных вербовщиков. Именно среди трудовых мигрантов вербовка в ряды ИГ шла наиболее активно около 2013–2015 гг. – установлено, что значительная часть таджикских рекрутов ИГ были завербованы либо через интернет, либо через экстремистские ячейки в Москве и других городах РФ, а уже затем убеждены отправиться в Сирию. Интернет здесь сыграл двойную роль: во-первых, как платформа для поддержания связи радикальных эмиссаров с потенциальными рекрутами (через те же группы в Одноклассниках, где мигранты общались), во-вторых, как средство идеологической подготовки – новобранцам сбрасывали ссылки на видео, проповеди, инструкции. Диаспоральный характер таджикских экстремистских сообществ проявляется и поныне: многие модераторы радикальных пабликов находятся за границей (в Европе, Турции, России), что затрудняет их нейтрализацию силовыми методами на родине. Они чувствуют себя в безопасности и беспрепятственно вещают в таджикский интернет-пространство из-за рубежа.

В-третьих, языковая специфика. Таджикский язык (региональный вариант фарси) – основной язык большинства населения, тогда как знание русского хуже, чем в Казахстане или Кыргызстане. Поэтому значимая часть экстремистского контента рассчитана именно на таджикоязычную аудиторию. В 2010-е годы проявилась интересная динамика: радикальные материалы на таджикском чаще появлялись в Facebook (среди более образованной публики), а

на русском – в Одноклассниках (среди более широкой аудитории). Позже, с ростом Instagram, контент на таджикском стал проникать и туда. При этом пропагандисты не ограничиваются одним языком: для увеличения охвата они дублируют сообщения и на русском, чтобы их читали также таджики-мигранты в РФ и вообще любой русскоязычный сегмент. Одновременно существует взаимодействие с афганским информационным пространством (Афганистан – сосед с большим таджикским населением). Некоторые экстремистские идеи приходят оттуда, например, влиянием пользуются видеоролики на дари (афганский диалект фарси) с проповедями талибов или других радикалов, которые таджикские зрители понимают без особых проблем. Таким образом, таджикский сегмент интернета не полностью изолирован – он интегрирован как в русскоязычный, так и в персоязычный радикальный дискурс. Это расширяет спектр нарративов: помимо «классических» тем ИГ, здесь могут всплывать идеи, близкие, скажем, иранским исламистам или афганским талибам, адаптируясь под местные реалии.

В-четвертых, государственная политика Таджикистана в сфере кибербезопасности и информации достаточно жесткая, но имеет противоречивый эффект. С одной стороны, власти активно блокируют экстремистские сайты, запрещают радикальные организации, мониторят социальные сети. Известны случаи, когда доступ к Facebook, YouTube или новостным сайтам временно перекрывался под предлогом «технических работ», что совпадало по времени с волной критики или протестной активностью в сети. С другой стороны, такая цензура подрывает доверие населения к официальной информации и часто не достигает цели: радикальный контент мигрирует на новые площадки или распространяется через VPN. Более того, чрезмерно широкое трактование «экстремизма» (например, уголовное преследование за прослушивание «неправильных» аудиопроповедей) приводит к тому, что молодые люди боятся открыто обсуждать религиозные проблемы, уходя в тень – а там их легче убеждают радикалы. Тем не менее, отмечаются и положительные примеры противодействия: таджикские власти реализовали программу амнистии для вернувшихся из Сирии – более ста граждан были амнистированы и реинтегрированы [1]. Это показало, что государство готово дать шанс раскаявшимся, что несколько ослабило привлекательность пропаганды ИГ (ведь один из нарративов ИГ – «дороги назад нет, вас дома казнят» – был опровергнут). Кроме того, при поддержке международных партнеров (ЕС, ООН) в Таджикистане начали внедряться программы повышения устойчивости к экстремистской идеологии: тренинги по медиаграмотности, разъяснительная работа среди молодежи, вовлечение религиозных лидеров в онлайн-пространство с позитивной повесткой.

Наконец, нельзя не упомянуть особенность аудитории в Таджикистане: значительная часть молодежи испытывает острый дефицит социальных лифтов и идеологического вакуума. Официальная идеология государства носит светско-националистический характер, но она мало вдохновляет молодых, уезжающих на заработки или сталкивающихся с коррупцией. В такой среде радикальные нарративы заполняют пустоту, предлагая простые ответы и чувство причастности к великому делу. Успешная контрстратегия в Таджикистане должна учитывать эту специфику – бороться не только с проявлениями экстремизма, но и с его питательной средой.

В целом, таджикстанский кейс иллюстрирует, как переплетаются локальные факторы (диаспора, язык, жесткая внутренняя политика) и общие тренды радикальной онлайн-пропаганды. Он подтверждает, что интернет не знает границ: таджикские экстремисты активны не только внутри страны, но и вовне, а внешние идеологи оказывают влияние на внутритаджикскую аудиторию. Борьба с этой угрозой требует как национальных усилий, так и регионального сотрудничества.

Различия в подходах противодействия. Подходы государств Центральной Азии к онлайн-пропаганде различаются: Казахстан и Кыргызстан делают ставку на мягкие меры — привлечение умеренных религиозных лидеров, развитие контрнарративов и просветительские программы. В то же время Узбекистан и Таджикистан отдают предпочтение жестким мерам — блокировка контента, уголовное преследование за хранение запрещенных материалов. Однако реактивная политика, выражающаяся в усилении контроля, не даёт устойчивых результатов. Международные эксперты подчёркивают необходимость перехода к проактивной стратегии, включая киберграмотность, межсекторное сотрудничество и координацию усилий на

региональном уровне. Пока страны действуют разрозненно, экспериментируя между силовым и просветительским подходами, побороть транснациональные радикальные сети (без согласованных региональных мер) будет затруднительно.

Заключение

Онлайн-пропаганда стала неотъемлемой частью экстремистской угрозы в Центральной Азии. Её нарративы, от идеи «чистого ислама» до антисистемных теорий, адаптируются под местный контекст, активно эксплуатируя социальные и культурные уязвимости. Несмотря на кажущуюся универсальность риторики, акценты варьируются – от этнических трений до бытовых и миграционных тем.

Фокус на Таджикистан выявил ключевые риски: влияние миграции, языковая среда, административно-политический фон. При этом, наряду с жёсткими превентивными и ограничительными мерами контроля, положительно зарекомендовали себя гуманитарные подходы – амнистия возвращенцев, профилактика в школах и джамаатах, повышение медийной грамотности молодёжи. Начаты совместные программы с международными партнёрами, нацеленные на обучение имамов и педагогов работе с уязвимой аудиторией.

Очевидно, что борьба с радикализмом требует не только силы, но и контрнарратива – убедительной альтернативы, опирающейся на реальную вовлечённость молодёжи. Без координации усилий государства, общества и религиозных структур устойчивый результат невозможен. Цифровая сфера остаётся ареной идеологического противостояния, и от её исхода зависит стабильность региона перед лицом глобальных вызовов.

Использованная литература

1. Asia-Plus. 1,300 Tajik nationals fight alongside IS militants in Syria and Iraq, says The Soufan Center report. – 27 октября 2017 г. <https://www.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/security/20171027-1300-tajik-nationals-fight-alongside-is-militants-in-syria-and-iraq-says-the-soufan-center-report>
2. Internews; Search for Common Ground. Information flows and radicalization leading to violent extremism in Central Asia. – 2019. https://www.internews.org/wp-content/uploads/legacy/resources/Information_Flows_and_Radicalization_ENG.pdf
3. Mehl D. Converging Factors Signal Increasing Terror Threat to Tajikistan // CTC Sentinel. – 2018. – Vol. 11, Issue 10. <https://ctc.westpoint.edu/converging-factors-signal-increasing-terror-threat-tajikistan/>
4. Organization for Security and Co-operation in Europe. Preventing terrorism and counseling: A community-policing approach. – Vienna: OSCE, 2014. <https://www.osce.org/secretariat/111438>
5. Radicalism Online: An Analysis of the Meanings, Ideas, and Values of Violent Extremism in Central Asia. – Bishkek, 2021. – 136 с.
6. Soufan Center. Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. – October 2017. <https://thesoufancenter.org/research/beyond-caliphate/>
7. Азизи Р. А. Пешгирии таблиғи ифротгарой ва тундагрой байни ҷавонон дар фазои иттилоотӣ [Предотвращение пропаганды экстремизма и радикализма среди молодёжи в информационном пространстве]. // Маҷмӯаи мақолаҳои ҷумҳуриявии илмӣ-амалӣ «Ифротгароии салафӣ: масъалаҳои давлатдорӣ дунявӣ ва ҳифзи ҳувияти миллӣ» (ш. Душанбе, 27 май 2015 г.). – Душанбе: Дониш, 2015. – 256 с. – С. 23–29

Рӯйи: f.e.d. Zaynob Usmanova, f.e.d. Aydın Əlizadə